

П

оэт, философ, просветитель Н.В. Станкевич (1813–1840) вошел в историю отечественной культуры прежде всего как создатель литературно-философского кружка, носящего его имя. Именно в общении с друзьями, единомышленниками проявилось, по словам М.А. Бакунина, сокровенное бытие Николая Станкевича. Он, писал Бакунин, «принадлежал к той категории одновременно богатых и изысканных натур, которые <...> оставили после себя своим действием <...> очень мощный отпечаток на своем ближайшем окружении, на своих учениках».

В объединении единомышленников, куда наряду с другими входили Я.М. Неверов, В.Г. Белинский, В.П. Боткин, К.С. Аксаков, О.М. Бодянский, А.В. Кольцов (во время своих приездов в Москву), М.А. Бакунин, М.Н. Катков, Николай Станкевич был вдохновителем, своеобразным аккумулятором идей. Как отмечал П.В. Анненков, он отличался «даром упорной мысли, отыскивающей истину без отдыха, и даром любви, которая все открытия мысли спешит уделить близким людям и не успокаиваться до тех пор, пока не сообщит им ту веру в познание, ту сладость благих ощущений, какие она сама вкусила».

Н.В. Станкевич, проживший неполные 27 лет и имевший выдающихся учеников, безусловно не был ординарной личностью. «Это была, — подчеркивал М.А. Бакунин, — истин-

но гениальная натура: великий разум сочетался у него с великим сердцем». Он был, конечно, и выдающейся языковой личностью. Об этой стороне личности Станкевича можно судить не только по воспоминаниям современников, но и по его богатому эпистолярному наследию, довольно внушительному. Письма поэта и мыслителя — своеобразная энциклопедия гуманитарных знаний, так широка и содержательна их тематика. Во-первых, в письмах «отражается благородная, открытая, любящая душа» автора, «диалектика» которой раскрывается с полной искренностью. Во-вторых, в них запечатлена история духовной жизни целого поколения лучших людей России, поскольку адресатами Н.В. Станкевича были выдающиеся деятели российской культуры. Наконец, в-третьих, в переписке затрагиваются, обсуждаются, анализируются проблемы философского, педагогического, художественно-эстетического характера. Для Станкевича и его корреспондентов ключевой темой является человек: определение его жизненной цели, развитие его ума, чувств, воли, взаимоотношение личности и общества, проблемы воспитания и образования. В письмах также идет заинтересованный разговор о культуре и искусстве. Из оценок, данных автором литературным и музыкальным сочинениям, театральным постановкам, величайшим памятникам мировой живописи, скульптуры, архитектуры, видно, сколько вкуса и глубокого, тонкого понимания по отношению к произведениям искусства было у Николая Станкевича.

Н.А. Добролюбов отмечал, что «большую часть писем Станкевича прочтут с удовольствием все, кому дорого развитие живых идей и чистых стремлений». По мнению С. Венгерова, переписка Станкевича с друзьями замечательна, она полна «блестящих мыслей, метких определений» и представляет собой «летопись его глубоко-искреннего стремления познать истину».

В переписке проявилась индивидуальная манера его речи, его стиль —

стиль человека-творца, поэта, философа, педагога. «Знания, факты и открытия, — писал французский естествоиспытатель Ж.Л.Л. Бюффон, — легко отчуждаются и преобразовываются... эти вещи вне человека. Стиль — это сам человек. Стиль не может ни отчуждаться, ни преобразовываться, ни передаваться». Исследование стилистических особенностей речи Николая Станкевича позволит более полно представить его языковую личность.

Письма Станкевича можно рассматривать как некий единый текст, как цельное произведение, организующим центром которого является творческая личность автора, ее ценностные установки, идейно-эстетические позиции. Автор, как создатель текста, преобразует, эстетически трансформирует и варьирует средства языка, пользуется им как тончайшим инструментом в выражении своих взглядов и оценок. Таким образом, согласно Ю.Н. Караулову, «за каждым текстом стоит языковая личность, владеющая системой языка». Языковая личность, также подчеркивает исследователь, «начинается по ту сторону обыденного языка, когда в игру вступают интеллектуальные силы». Интеллект, знания, тезаурус личности обуславливают также языковую образность.

Сомневаться в интеллектуальных силах Н.В. Станкевича не приходится. Имеющий от природы прекрасные способности, он получил блестящее образование. Будущий создатель кружка окончил Острогожское уездное училище, Воронежский благородный пансион П.К. Федорова, словесное отделение Московского университета. Станкевич не мыслил жизнь без чтения и самообразования. В течение своей непродолжительной жизни он с увлечением и самозабвенно изучал философию, историю, иностранные языки. Кроме немецкого и французского, основательно изученных еще в школьные годы, он брал уроки латинского и греческого языков, преуспел в английском и итальянском. Он был прекрасным музыкантом, зна-

током театра, изучал биографии художников.

Интересен и поучителен анализ словаря языковой личности, прежде всего ее ключевых слов, так называемых идеологем — семантико-тематических обозначений духовных ценностей. Ключевые слова каждой исторической эпохи неотделимы от культуры определенно-го времени, общественно-политической жизни страны, трудовой деятельности населения, создавшегося общественно-го мнения и т.д. Язык, как правило, отражает современную культуру. Этот процесс фиксируют ключевые слова каждой исторической эпохи.

Ключевыми словами в переписке Н.В. Станкевича и соответственно интеллектуальной элиты российского общества 30-х годов XIX столетия являются: *человек, жизнь, отечество, душа, дух, ум (разум), философия, история, чувство, знание, вера, истина, любовь, дружба, добро, гармония, изящное, искусство, поэзия, театр, музыка.*

Вот некоторые из этих ключевых слов, употребленные в контексте. «Поэзия и философия — вот душа сущего. Это жизнь, любовь; вне их все мертво»; «Я не думаю, что философия окончательно может решить все наши важнейшие вопросы, но она приближает к их решению, она зиждет огромное здание, она показывает человеку цель жизни и путь к этой цели, расширяет ум его»; «Человек есть житель земли, не чуждый физических потребностей, но он же есть и последнее высшее звено в цепи создания. Его сфера — дух, и все физически натуральное в нем должно быть согласно с духом»; «Искусство делается для меня божеством, и я твержу одно: дружба (или любовь — последняя род, первая — лучший из видов и священнейший) и искусство! Вот мир, в котором человек должен жить, если не хочет стать наряду с животными! вот благотворная сфера, в которой он должен поселиться, чтобы быть достойным себя! вот огонь, которым он должен согревать и очищать душу! С кем же делиться чувством, которое рождает искусство, как не с другом?»

С ключевыми словами тесно связаны собственные имена, употребляемые в тексте. В переписке Н.В. Станкевича это антропонимы, топонимы, идеонимы и др. Данные слова представляют собой культурно-ономастический фон писем, свидетельствующий о широте интересов автора, о незаурядности его языковой личности.

Антропонимы представлены несколькими группами. Это члены кружка Станкевича: *Бакунин, Белинский, Бодянский, Воткин, Грановский, Ефремов, Катков, Ключников, Красов, Неверов, Строев* и др. Писатели, литературные критики, издатели периодических изданий — современники автора писем: *Булгарин, Вельтман, Вяземский, Гоголь, Греч, Даль* (Казак Луганский), *Дельвиг, Ершов, Жуковский, Загоскин, Каченовский, И. Киреевский, П. Киреевский, Кольцов, Краевский, Кукольник, Лажечников, Марлинский, Надеждин, Одоевский, Полевой, Пушкин, Сенковский, Тургенев* и др. Российские и зарубежные философы, мыслители: *Вердер, Гердер, Гегель, Диоген, Кант, Лейбниц, Макиавелли, Павлов, Платон, Фейербах, Фихте, Чаадаев, Шеллинг* и др. Российские и зарубежные историки: *Геерен, Геродот, Гиббон, Гизо, Карамзин, Ливий, Луден, Миллер, Погодин, Ранке, Раумер, Фукидид, Шевырев* и др. *Западноевропейские писатели: Байрон, Бальзак, Гейне, Гете, Гофман, Гюго, Данте, Жорж Санд, Скотт, Шекспир, Шиллер* и др. Российские актеры: *Каратыгин, Каратыгина, Мочалов, Рыкалова, Щепкин* и др. Русские и западноевропейские композиторы: *Бетховен, Беллини, Варламов, Вебер, Глюк, Мендельсон, Моцарт, Россини, Шуберт* и др. Русские и зарубежные художники и скульпторы: *Венецианов, Завьялов, Марков, Пименов, Рафаэль* и др. Врачи, профессора Московского университета: *Альфонский, Дядковский* и др.

В письмах много страноведческого материала: Н.В. Станкевич, мастер эпистолярного жанра, живо, художественно, иногда иронично, с тонким юмором

описывал особенности быта и нравов жителей разных стран. Он так искусно рисовал ландшафты и пейзажи различных европейских земель, что они становились видимыми и осязаемыми.

Среди топонимов, употребляемых Николаем Станкевичем в переписке, выделяются не только «практический» *Петербург* и «мечтательная» *Москва*, но и топонимы, связанные с милой малой родиной философа: *Воронеж*, «благословенный» *Острогожск*, родная *Удеревка* (сейчас Алексеевский район Белгородской области). Здесь же и названия крупных географических объектов: стран, континентов (*Россия, Россия, Русь; Англия, Бельгия, Ватикан, Германия, Италия, Польша, Пруссия, Франция, Швейцария*); названия российских и западноевропейских городов (*Москва, Петербург (Питер), Пятигорск, Тверь, и др.; Базель, Берлин, Дрезден, Генуя, Зальцбург, Ливорно, Милан, Мюнхен, Неаполь, Нюрнберг, Прага, Рим, Страсбург, Флоренция, Штутгарт* и др.); названия внутригородских объектов (*Александровский сад, Замоскворечье, Красная площадь, Кремль, Сокольники* и др.).

Собственные имена, связанные с умственной, идеологической и художественной сферами человеческой деятельности, в переписке Станкевича представлены названиями различных текстов, книг и названиями органов периодической печати. Это прежде всего названия философских, исторических, литературно-критических и художественных произведений: «Критика чистого разума» Канта, «Наука логики» Гегеля, «Практическая философия» Шеллинга, «Система трансцендентального идеализма» Шеллинга, «Эстетика» Гегеля и др.; «Древняя история» Лудена, «Идеи» Геерена, «История государства Российского» Карамзина, «История евреев» Сальвадора, «Рассуждение о происхождении Руси» Эверса и др.; «Литературные мечтания» Белинского, «О происхождении литературы» Никитенко; «Бог и баядера» Гете, «Гамлет» Шекспира, «Два видения», «Полярная

звезда» Бенедиктова, «Дон Карлос» Шиллера, «Илиада» и «Одиссея» Гомера, «Зима. Что делать нам в деревне? Я встречаю...», «Зимняя дорога» Пушкина, «Золотой горшок», «Необычайные страдания некоего директора театра» Гофмана, «Кащей» Вельтмана, «Коварство и любовь» Шиллера, «Пестрые сказки» Одоевского, «Петр Великий» Ключникова, «Ревизор», «Старосветские помещики» Гоголя, «Сцены частной жизни» Бальзака...

Н.В. Станкевич в письмах упоминал названия журналов («Бабочка», «Библиотека для чтения», «Журнал министерства народного просвещения», «Московский Наблюдатель», «Современник», «Телескоп» и др.) и газет («Молва», «Северная пчела» и др.)

Идиостиль проявляется в процессе текстопорождающей и эстетической деятельности языковой личности. Автор, создавая произведение, отдаст предпочтение тем или иным лексико-фразеологическим средствам, синтаксическим конструкциям, выразительным возможностям языка. Этот выбор языковых средств обусловлен целью, мотивами общения, взглядами, интересами, личностными пристрастиями автора. В подобном отборе видное место занимает стилистически окрашенная лексика, способная усилить определенную оценку, произвести художественно-эстетический эффект, подчеркнуть авторскую установку. Так, в письме Т.Н. Грановскому (29.09.1836) Станкевич далеко не случайно употребил слово *стихоблудничал* как синоним к *сочинял стихи*. Перед автором в этом послании к другу стояла конкретная цель: «дать ответ Грановскому на его сомнения в себе и отчаяние». Станкевич беседовал с Грановским, обращаясь к собственному духовному развитию. К этому времени он уже приходил к осознанию, что «начал понемножку лучше понимать сущность искусства и некоторые стороны жизни», и поэтому практически прекратил собственные поэтические опыты. В этом же письме Станкевич употребил еще один синоним к доминанте *сочинять*

сти»: «марая бумагу и вытыгивая метафоры и пышные фразы». Этим пренебрежительным оборотом автор усилил негативное отношение к собственному поэтическому творчеству. Это он сделал намеренно, чтобы убедить Грановского в том, что нужно искать собственный путь, что необходимо развиваться. Таким образом, в данном случае на план содержания эффективно работает план выражения.

Интересны синонимические ряды, доминантой которых является антропоним. Каждый член такого ряда передает отношение автора к адресату речи, характеризует его, оценивает. Такой ряд позволяет увидеть эволюцию, происходящую в отношении «автор — адресат». Интересен пример синонимического ряда с доминантой *Бакунин*: *Михаил Александрович, Мишель, Мишинька, милый мой Миша*. Если в первых письмах к М.А. Бакунину Н.В. Станкевич обращался к адресату официально, по имени и отчеству, то по мере развития их отношений, выросших в настоящую дружбу, обращения приобретали все более интимную семантику. Подобные синонимические ряды характерны для писем Станкевича. Так, к В.Г. Белинскому он обращался: *Сиверион Григорьевич — любезнейший Виссарион — любезный Белинский — любезный друг Виссарион*. Пожалуй, наиболее динамичным является синонимический ряд с доминантой *Грановский*. В его строительстве участвуют как собственные существительные, так и нарицательные, выполняющие функцию перифразы. С ее помощью автор показывает свое отношение к лицу, явлению и др. предмету речи. Кроме того, антропоним часто сопровождается оценочным прилагательным и притяжательным местоимением. Такие ряды характеризуются эмоционально-экспрессивным началом, например: *Милый мой Грановский — любезный Тимофей Николаевич — любезный Тимофей — Чадо Тимофеее! — Милый мой друг, мое желтое солнышко! Чадо мое Тимофей Николаевич! Странный продукт Димуурга*

небесного! Гусь косолапый, единонеду-гующ!

В данном аспекте сугубый интерес имеет такой синонимический ряд: *Гегель — Георг Вильгельм Фридрих Гегель — Егор Федорович Гегелев*. За русским эквивалентом немецкой антропонимической формулы скрыта значительная культурно-историческая информация. Именно к 30–40-м годам XIX века относится наиболее высокий уровень интереса к философии Гегеля в России. Не зря А.И. Абрамов отмечает: «Определенную роль в истории пропаганды «гегелизма» сыграл «Телескоп» Надеждина, но наибольшее значение имел «Московский наблюдатель», который поставил перед собой задачу освещения всех сторон русской общественной жизни и литературы с точки зрения гегелевской философии <...>. Центрами изучения гегелевской философии стали кружки Станкевича <...> и Герцена-Огарева».

Участь в Московском университете, Станкевич очень ценил лекции Н.И. Надеждина. Кроме того, кружковцы (Станкевич, Белинский) помогали редактировать «Телескоп» и «Молву» во время отъезда редактора изданий (Надеждина) за границу. Таким образом, увлечение философией Гегеля перешло от Надеждина к Станкевичу, который затем увлек ею Грановского. Тот, будучи профессором Московского университета, «заразил» немецким мыслителем студента Б.Н. Чичерина (впоследствии почетного члена Петербургской Академии наук), который даже получил от товарищей прозвище *Гегель*.

В «русском» имени немецкого философа отразилось мощное увлечение российской молодежи философией Гегеля, ее принятие и желание сделать ее автором «своим». С другой стороны, эта русская форма именования немецкого философа показывает склонность Николая Станкевича к юмору, розыгрышам, ведь он был человек веселый, любил, по словам К.С. Аксакова, «комическую сторону жизни и часто смешил товарищей своими шутками». Он был уверен в том, что «надо иметь запас веселости, чтобы

переносить мелкие толчки в жизни». Не случайно своего друга Января Михайловича Неверова он часто именовал *Январем* или по-древнерусски *Генварем*, а свои письма к нему подписывал то *Сентябрь*, то *Ноябрь* Станкевич.

Для стилистики более актуально расширенное понимание синонимии: синонимы определяются по признаку взаимозаменяемости. Автор обращается и к общезыковым, и к контекстуальным синонимам, которые выполняют различные функции: «чистого» замещения, уточнения смысла, придания экспрессивно-оценочной окраски. Прием нанизывания контекстуальных синонимов, близкий по своей функции к стилистической фигуре градации, характерен для индивидуальной манеры Станкевича. С ее помощью автор может последовательно нагнетать или ослаблять сравнения, эпитеты, метафоры и другие выразительные средства текста. Например, в предложении «Офелия — душа чистая, нежная, неопытная» автор с помощью близко, контактно расположенных уточняющих друг друга частично эквивалентных эпитетов стремится более точно определить предмет речи. Необходимость уточнения обозначаемого обусловлена его многосторонностью и сложностью, его смысл трудно передать одним словом. Поэтому возникает потребность одновременного употребления нескольких синонимов, чтобы более точно обозначить новые стороны в предмете речи. Подобная задача решается и в следующих контекстах: «Белинский отдыхает от своей скучной, одинокой, бурлацкой жизни»; «я пришел в то неопределенное, полупоэтическое, полугармоническое состояние»; «Болезнь возвратилась <...> и всему причине моя ветреность, мой эгоизм, моя неделикатность!»; «в этих простых, коротеньких исповедях цельной, живой, умной природы — истинная поэзия!»; «Как сухи и бесполезны нелепые, беспокойные, отвлеченные занятия!»

Синонимами в письмах Станкевича становятся слова, принадлежащие раз-

ным языкам. Так, контекст письма к Я.М. Неверову (18.05.1833) («Ко мне ходят Строев, Беер, Красов, Почека и чаще Ефремов. Вот весь очерк моей жизни! Вот *compendium* бытия моего, *Hauptdata* моей деятельности, канва моего существования»), порождает такой синонимический ряд: *очерк* — *compendium* (сжатое изложение — лат.) — *Hauptdata* (главные черты — нем.) — *канва*.

Широкий взгляд на синонимии позволяет включать в синонимический ряд перифразу. Николай Станкевич в качестве непрямого, описательного, выражения использует общепринятые, общепонятные обороты, например: театр — *храм искусства*, человек — *царь природы*. Но в большей степени «работают» на создание идиостиля, конечно, индивидуально-авторские перифразы, носящие, как правило, эмоционально-экспрессивный, оценочный характер. Часто смысл таких перифраз обусловлен конкретным контекстом. Так, по словам Н.В. Станкевича, Н.И. Надеждин — *смелый вождь «Молвы», вождь «Телескопа»*; В.Г. Белинский — *кулак, все сокрушающий*; любовь и горе — *земные могучие деятели*. Особенно богато ситуативными перифразами письмо Н.В. Станкевича, адресованное его братьям — Александру и Ивану, а также В.Г. Белинскому и М.А. Бакунину (29.10.1837). В нем автор, в частности, писал: «Слушай, ты, маркиз XVIII-го столетия» (речь о брате Иване), «Слушай и ты, юноша с кудрявою головою, амур-ревматик, достойный воспитанник Бодянского» (это о брате Александре). В этом же письме М.А. Бакунин именуется подражателем Архангела, а Белинский, конечно, Виссарионом неистовым. Это определение Белинского, данное ему Станкевичем, употреблялось автором и в форме субстантива-существительного: «На днях буду отвечать неистовому». Безусловно, подобные перифразы усиливают выразительность текста, действенность высказывания.

Человеку свойственно не только уме-

ние сопоставлять, но и противопоставлять. Станкевич часто прозвонился антитезой, стилистической фигурой контраста, резкого противопоставления понятий, положений, образов, состояний и т.п. Он употреблял и традиционные антонимические пары («Грозный союз любви и смерти») и создавал оригинальные («В ней («Молве») добро есть и сору довольно»).

В письмах Николая Станкевича интересны пространные противопоставления, с развернутой аргументацией, авторскими оценками и выводами, часто субъективными. Так, характеризуя поэзию А.С. Пушкина и В.Г. Бенедиктова, он прибег к антитезе: «Чувство выражается просто: ни в одном стихотворении Пушкина нет вычурного слова, необыкновенного размера, а он — поэт. Бенедиктов блестит яркими, холодными фразами, звучными, но бессмысленными или натянутыми стихами. Набор слов самых звучных, образов самых ярких, сравнений самых странных — души нет!»

В 30-е годы XIX века тема противопоставления Москвы и Петербурга приобрела особую злободневность. Ей посвятили специальные произведения многие литераторы, например: В.Ф. Одоевский, В.П. Андросов, Н.В. Гоголь, Н.Б. Герсеванов, И.И. Панаев, М.Н. Загоскин.

Близкой оказалась эта тема и для Станкевича. Он еще в 1833 году в письме к Я.М. Неверову (2–3 мая) писал: «Если нужны сравнения, á la Киреевский, философские, то я скажу: Москва — идея, Петербург — форма; здесь жизнь, там движение — явление жизни; здесь — любовь и дружба, там — истинное почтение, с которым не имеют чести быть и т.д. Берегись продажных объятий гладко причесанных друзей; смотри чаще на море, красу и прелесть сухого Петербурга, читай Жан-Поля, гуляй в Петергофе и думай о Сокольниках. Будь Москва в душе, но в Петербурге — Петербург с виду».

Когда Н.В. Станкевич побывал в Петербурге, его сравнительная характеристика обеих столиц стала более

пространной и основательной. Противопоставляя Москву и Петербург, он стремился к объективности, не умалял достоинств российских столиц, находя в каждой что-то особенное. И все же читатель этого небольшого эссе, посвященного сравнению столиц, поймет, что его автором является москвич. Станкевич сравнил города в письме к В.И. Красову (8.07.1834): «Петербург не то, что Москва, — писал он, — и наоборот. Все улицы вытянуты здесь в одну шеренгу, здания стройны, правильны, изящны; во всем вкус, богатство — но к этой красоте надобно привыкнуть или надобно изучить ее, а где найдется *Кремль другой*, который бы остановил на себе взор европейца и варвара, который бы повеселил душу своими золотыми головками? Где наша пестрая, беспорядочная, раздольная Красная площадь с своими бабами, извозчиками, каретами, с своим лобным местом, кремлевскою стеною и чудачком Василием Блаженным? Нет! «Едва другая сыщется столица, как Москва!» Тот, кто бестолков, как Скалозуб, скажет только: «дистанция огромного размера!» Но мы не станем говорить ничего против Скалозубов! И художник Венецианов говорит, что Москва привлекательна, а Неверов приписывает Петербургу красоту классическую, более нормальную, Москве романтическую — и я с ним совершенно согласен».

Эти контексты свидетельствуют о том, что Н.В. Станкевич улавливал темы, волнующие общество, щедро делился ими с друзьями. Так, В.Г. Белинский в 1844 года написал очерк «Петербург и Москва». В последующем к этой теме, животрепещущей, острой и спорной, обращались Н.А. Мельгунов, А.И. Герцен, К.С. Аксаков и другие авторы.

Размышления Н.В. Станкевича о жизни, философии, отзывы о прочитанном и увиденном могут быть отнесены к научному (или к научно-популярному) стилю речи. Эти рассуждения и описания автор стремился облечь в

такую чеканную форму, которая сделала бы их смысл наиболее выразительным, осязаемым и внятными. Станкевич стремился к сжатию, к конденсации мысли, к сосредоточению в каждом предложении наибольшей словесной энергии. Этими факторами объясняется наличие в его письмах авторских афоризмов. Например: «Какое неприятное чувство делает безлюдность там, где мы привыкли видеть множество людей»; «Тот, кто проповедовал любовь — проповедовал все»; «Дружба всегда вправе требовать подвига»;

«Всякий находит у себя пропуски в жизни» и др.

В создании идиостиля Н.В. Станкевича значительную роль сыграли и другие средства художественной выразительности. В его письмах много оригинальных метафор, сравнений, каламбуров. Он удачно пользовался инверсией, анафорой, яркие эпитеты также не были для него редкостью. Просторечные слова и выражения, употребленные автором к месту, также придавали письмам неповторимую выразительность.

